

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
А. И. ДЕНИКИН**

начале августа 1947 года на кладбище Эвергрин в американском штате Мичиган, после отпевания в Успенской церкви Детройта, состоялась траурная церемония. С воинскими почестями хоронили человека, который никогда не служил в армии США. Крепкие молодые парни, стоявшие в почетном карауле, под траурные звуки трубы склонили перед гробом звездно-полосатое знамя. Вряд ли кто-то из них понимал

слова молитвы, которую прочитал над покойным Православный священник в непривычном для американского взгляда облачении. Спустя некоторое время останки покойного были перезахоронены на русском кладбище Святого Владимира в городе Джексоне. Так обрел вечный покой русский изгнанник – генерал Антон Иванович Деникин, человек, всю жизнь сражавшийся под знаменами России и до последнего часа сохранивший верность своему Отечеству.

Писать о генерале Деникине, этом удивительном человеке, в свое время приковавшем внимание всей России к своему имени, – трудно, ибо, с одной стороны, его имя знакомо едва ли не каждому, но с другой – догмы, легенды и устоявшиеся суждения о нем существенно затрудняют задачу. И все же обратиться к его историческому портрету необходимо, показав при этом жизненный путь длиною в три четверти века.

Генерал Деникин, впрочем, как и любой другой герой истории, с дальнего расстояния предстает во всей своей противоречивости. Он был сыном своего времени, смутного времени, – эпохи, когда, как он сам писал, «великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души». Имя генерала Деникина ассоциируется с безмерным честолюбием, диктаторской властью, жаждой реставрации прошлого строя, оно рождает в памяти одних «ужасы деникинской контрразведки», грабежи мирного населения, но оно напоминает другим о чести и отваге, рыцарстве человека, бросившего вызов самой жестокой и кровавой диктатуре двадцатого века. В его жизни было все, что позволяет назвать его героем своего времени, отнести его к людям неповторимой, удивительной судьбы. Было время, когда Деникин обладал неограниченной властью на огромной территории, когда он был более чем близок к победе, которая принесла бы ему всю власть над всей страной. Было время взлета, но были и поражения и горечь разлуки с Родиной. Неизменными на протяжении всей жизни оставались удивительная скромность, честность и невероятная любовь к России.

Писать о генерале Деникине трудно еще и потому, что он сам оставил нам свои книги, написанные удивительно талантливо и прочесть которые – большая удача, ибо в них свидетельства и переживания очевидца сопряжены с литературным дарованием. Но сам Деникин, заканчивая свои знаменитые «Очерки Русской Смуты», предупреждал потомков, читающих свидетельства современников тех событий: «Их мысленный взор застилает еще кровавая пелена; их душевное равновесие нарушено; в их сознании события более близкие, более волнующие невольно заслоняют своими преувеличенными, быть может, контурами факты и явления, отдаленные от фокуса их зрения. Их чувства глубже, страсти сильнее, восприятие элементарнее; они жили настоящим, воплощенным в плоть и кровь, – даже те, кто, став духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостренным зрением за плотную завесу грядущего».

*Иван Ефимович Деникин,
отец А.И. Деникина*

25 декабря 1872 года, когда вся Православная Русь праздновала Рождество Христово, настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Вениамин Скворцов крестил в Православную веру младенца Антония. Находившиеся в храме прихожане не могли не обратить внимания на родительскую пару новокрещенного. Довольно пожилой мужчина с седыми волосами и такими же седыми большими усами, одетый в поношенный мундир отставного майора Русской Армии, держал под руку совсем молодую даму, лет тридцати от роду, одетую скромно и аккуратно. Бросавшаяся в глаза разница в возрасте четы Деникиных поз-

волила многим принять их за отца и дочь. Так, или наверное так, прошло первое событие в жизни Антона Ивановича Деникина.

Польский город Лович, однако, не был его родным городом. Родился он в пригороде Влоцлавска, что за Вислой, за двадцать один день до крещения. Влоцлавск был захолустным уездным городишком, где отец Антона Ивановича проходил военную службу в Пограничной страже и где в 1869 году, незадолго до рождения единственного сына, вышел в отставку.

Иван Ефимович Деникин родился в 1807 году в семье крепостного Саратовской губернии. В 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты, после чего более двадцати лет тянул солдатскую лямку. В 1856 году, в возрасте сорока девяти лет он был произведен из фельдфебелей в первый офицерский чин и назначен на службу в бригаду Пограничной стражи в Польшу. Первый офицерский чин давал право на личное дворянство, но Деникин-старший все равно мог рассчитывать лишь на свое скудное офицерское жалованье. Спустя 30 лет он вышел в отставку в чине майора, а через два года женился вторым браком на польке Елизавете Францисковне Вржесинской, происходившей из семьи обедневших мелких землевладельцев. Когда родился Антон, Ивану Деникину было уже шестьдесят пять лет. Скудной пенсии в 36 рублей едва хватало на пропитание. Все заботы о домашнем быте лежали на матери Антона – женщине маленькой, худенькой, но энергичной и умной. Жили Деникины, несмотря на нужду, дружно. Несмотря на различие вероисповеданий родителей, их сын вырос Православным, не просто глубоко религиозным, но и церковным человеком.

Елизавета Федоровна
Деникина, мать
А.И. Деникина

В 1882 году, после окончания начальной школы, девятилетний Антон Деникин выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища, а спустя три года умер Иван Ефимович. После смерти отца пенсию сократили до 20 рублей в месяц, и тринадцатилетнему Антону пришлось подрабатывать репетиторством. Ранняя смерть отца, забота о семейном бюджете воспитали в Деникине серьезность характера. В свои юные лета он обладал вполне развитым внутренним духовным миром, сообщавшим ему повышенную сопротивляемость всему наносному, чуждому его русской душе.

С окончанием в 1889 году седьмого класса перед Деникиным стал вопрос выбора своего дальнейшего жизненного пути. Подростком он имел возможность наблюдать военную жизнь (во Влоцлавске квартировали штаб 1-й бригады 5-й кавалерийской дивизии, 5-й уланский Литовский полк и 1-й стрелковый батальон), большой вес имели и рассказы отца из собственной военной биографии. «Я избрал военную карьеру», — скажет потом Антон Иванович.

* * *

Восемнадцатилетний Деникин, поступивший вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк, осенью 1890 года был зачислен в Киевское юнкерское пехотное училище. За сводчатыми стенами-нишами старинного крепостного здания, где помещалось училище, для молодого Деникина началась новая жизнь.

«Жили мы почти на солдатском положении, — вспоминал свои юнкерские годы Антон Иванович, — ели чрезвычайно скромно... казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества». Но два года в училище пролетели незаметно, и вот 5 августа 1892 года раздался звонкий голос дежурного юнкера:

— Господа *офицеры*, строиться на передней линейке!

Молодой, теперь уже подпоручик, Деникин, окончивший курс с выпускным баллом 10,4 (высший балл — 12), взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в городе Беле Седлецкой губернии, в 160 верстах от Варшавы.

«По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства... к его мнению прислушивались, на него пригла-

шали – приходите сегодня, посидим, поговорим, Деникин будет», – писал эмигрантский биограф Антона Ивановича. Рутинная армейская залуфта, естественно, не могла его удовлетворить, и вместе с тремя товарищами он решает готовиться к поступлению в Академию Генерального Штаба.

7 октября 1895 года, выдержав предварительно испытания при Штабе Варшавского военного округа, поручик Деникин, произведенный в этот чин всего несколько месяцев назад, отправился в Петербург. Сдав благополучно конкурсные экзамены, он становится слушателем Академии, но через год, при переходе в следующий класс, Деникин недобирает необходимый балл по истории военного искусства и откомандировывается в свою часть.

«...Принял наиболее благоразумное решение – начать все сначала», – подытоживал много лет спустя Деникин свои тогдашние переживания. Немногие офицеры, отчисленные из Академии, испытывали судьбу еще раз. Антон Иванович вновь держит экзамен на первый курс, поступает и оканчивает Академию с присвоением чина капитана за отличные успехи. Судьба, впрочем, посылает ему новые испытания.

В связи со сменой начальства Академии, в год выпуска Деникина начались перемены, и одной из них стало изменение системы подсчета баллов для причисления к Генеральному Штабу. Список из пятидесяти фамилий офицеров четыре раза тасовали, как колоду карт. В последнем списке к Генеральному Штабу не причислялись четверо: 22-й артиллерийской бригады капитан Березин, 27-й артиллерийской бригады штабс-капитан Анисимов, Лейб-Гвардии Московского полка штабс-капитан Посохов и капитан Деникин. Наука наукой, а служба службой. Интересен следующий факт. К началу Первой мировой войны из всех выпускников Академии 1899 года лишь пятеро достигнут чина генерал-майора (в том числе будущие участники Белого движения И. Е. Гулыга и П. Х. Попов), по старшинству же в полковничьем чине А. И. Деникин станет вторым, а его товарищи по несчастью А. Посохов – четвертым, А. Березин – двадцать третьим и лишь Н. Анисимов – сорок девятым. А последним в этом списке окажется однокашник Деникина еще по Киевскому юнкерскому училищу Павел Сытин. У последнего военная карьера не сложится; произведенный в чин генерал-майора лишь в 1917 году, он будет искать счастья в Красной Армии...

Посчитав, вполне справедливо, что нарушены его права, Деникин подает жалобу на военного министра А. Н. Куропаткина, утверждавшего список причисленных к Генеральному Штабу. То же самое он предложил сделать и своим товарищам по несчастью, но те не решились. Прямым начальником военного министра был Император, поэтому и жалоба подавалась на Высочайшее имя. Это был едва ли не единственный в истории Русской Армии случай противоборства никому неизвестного капитана с главой Военного Ведомства. Конференция Академии признала требования Деникина справедливыми, и генерал Куропаткин соглашался удовлетворить ходатайство «непричисленных», но Деникин подавать такое ходатайство отказался: «Я в милости не нуждаюсь и требую законного».

По делу капитана Деникина назначили следствие, которое пришло к выводу о правомерности жалобы. Обстоятельный доклад лег на стол военному министру, а через некоторое время поступил в архив канцелярии министерства с размашистой резолюцией: «Согласен с заключением Главного судного управления, но одобрить действия капитана Деникина не могу, ибо жалоба была не основательная, а для лица, добивающегося службы в Генеральном шта-

бе, неосновательность — недостаток существенный».

Как и предполагалось, министр победил. Оставалось ждать решения Государя. Но на Высочайшем приеме выпускников всех Академий Император удовлетворился пояснением Куропаткина: «Этот офицер, Ваше Величество, не причислен к Генеральному штабу за характер»...

Неожиданно для самого Деникина в его судьбе принял живейшее участие генерал Пузыревский, возглавлявший Штаб Варшавского округа. Он оставил опального капитана на вакантной должности офицера Генерального Штаба, посылая в Петербург самые лестные аттестации и ходатайствуя о переводе Деникина в Генеральный Штаб. Блестящую аттестацию дал и начальник 10-й пехотной дивизии генерал барон Меллер-Закомельский, где Деникин отбывал сборы. «Обладая отличными нравственными правилами и сильным характером, капитан Деникин был все время весьма тактичен в служебном отношении. Возлагаемые на него как на офицера Генерального штаба обязанности... исполнял не только в высшей степени добросовестно и с полным знанием дела, но и с видным интересом и любовью к военному делу», — писал Меллер-Закомельский. Но упоминание в аттестации о сильном характере Деникина вконец вывело из равновесия военного министра: Куропаткин воспретил возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине.

Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду, где его встретили с распростертыми объятиями. Деникин был назначен старшим офицером и заведующим хозяйством в 3-ю батарею и состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем Распорядительного комитета бригадного собрания. Тихие, спокойные армейские будни иногда разбавлялись встречами в более тесном кругу сослуживцев-приятелей и в двух-трех интеллигентных городских семьях. Особенно любил бывать молодой капитан в семье местного податного инспектора Василия Ивановича Чижа, у которого была восьмилетняя дочь Ася. Открытость характера, ум, талант рассказчика

Деникина сначала увлекут девочку-подростка, постепенно увлечение перерастет в серьезное чувство, и в январе 1918 года, в дни наиболее тяжелых испытаний, накануне знаменитого Ледяного похода небольшой Добровольческой Армии, она станет женой генерала Деникина.

Но это будет еще не скоро. А пока на страницах военных журналов «Разведчик» и «Варшавский дневник» стали появляться статьи военно-политического содержания и рассказы из военного быта, подписанные «И. Ночин». Для большинства офицеров, знавших, почему на казенной квартире Деникина ночь напролет горит свет, было ясно, кто скрывается под псевдонимом «Ночин». Надо заметить, что рассказы написаны живо, талантливо, и кто знает, если бы Деникин не выбрал военную карьеру, — может быть, он занял бы место в ряду писателей.

Прошло два года, «воспоминания об академическом эпизоде, — как позднее писал Антон Иванович, — мало-по-малу теряли свою остроту...» — и он решил написать частное письмо Куропаткину. Деникин напомнил военному министру о случае в Академии, завершив письмо следующими строками: «И если я теперь беру на себя смелость доложить Вашему Высокопревосходительству обстоятельства этого дела, то только потому, что слишком уж тяжело отразилось оно на моей судьбе, слишком больно расставаться с той дорогой, на которую я выбился с таким трудом, с такими надеждами и с таким искренним желанием работать».

Письмо пришло, когда военного министра не было в Петербурге. Заскрипела бюрократическая машина, и частное письмо пошло по инстанциям различных отделений и столов Главного Штаба. По возвращении Куропаткина ему на стол в числе множества бумаг положили и письмо Деникина и справку по канцелярии Главного Штаба о событиях в Академии в 1899 году.

Надо отдать должное военному министру. Прочитав письмо Антона Ивановича, он наложил резолюцию: «Ввиду ходатайства Варшавского начальства и чистосердечного раскаяния, признаю возможным ходатайствовать перед Государем о причислении Деникина к Генеральному штабу с назначением в войска Варшавского [военного] округа. Нежелательно, чтобы обращение за защитой к Государю, хотя бы и вполне неосновательное, наказывалось без милости к раскаявшемуся. 30 октября 1901 г.»

Так в судьбе Антона Ивановича произошел поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из выдающихся военачальников Первой мировой войны и Русской Смуты. С этого момента будто в каком-то бурном потоке понесет судьба Деникина, и вплоть до эмиграции хотя бы на мгновение остановиться, оглянуться, задуматься не представится ему подходящего случая.

* * *

В ноябре 1901 года в приказах по Генеральному Штабу впервые появилось имя Деникина. После недолгого прикомандирования к Штабу Варшавского военного округа Антон Иванович занимает первую по службе Генерального Штаба должность — старшего адъютанта Штаба 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске. Однако подходило время для цензового командования ротой, и уже через три месяца он отправится снова в Варшаву, в 183-й пехотный Пултусский полк.

До сих пор Деникин так близко не соприкасался с солдатом: служба в артиллерии имела свою специфику и отличалась от жизни в пехотных частях.

Солдата Антон Иванович полюбил, сумел своей русской душой понять все его чаяния. При нем, тогда излишне либеральном, рота «вела себя средне, училась плохо и лениво», и позже Деникин сознавался, что после его отъезда старый фельдфебель Сцепура, построив разболтанную роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес: «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?» – Кулак Сцепуры спас положение, рота быстро поправилась.

Отбыв ценз командования ротой, Деникин был назначен старшим адъютантом Штаба II-го кавалерийского корпуса. В большинстве своем офицерские должности службы Генерального Штаба предполагали больше канцелярской работы, чем управления войсками. Судя по воспоминаниям современников Антона Ивановича, он сугубо штабной работой всегда тяготился и стремился полученные в Академии знания применять в строю. Еще в июле 1900 года капитан Деникин подал рапорт о командировании его на Дальний Восток, где шла «Китайская кампания». Просьбу отклонили. С объявлением манифеста о войне с Японией Деникин тотчас же вновь подал рапорт о командировании его в Действующую Армию. Но лишь с третьей попытки он получил распоряжение о назначении его в Заамурский округ Пограничной стражи. 5 марта 1904 года капитан Деникин прибыл в Харбин.

Явившись в Штаб округа, Деникин получил назначение на должность начальника Штаба 3-й Заамурской пограничной бригады, но, несмотря на то, что это было значительным повышением по службе (как правило, такую должность занимали в чине полковника), Антон Иванович искал любую возможность попасть на фронт: задачи Пограничной стражи были ограничены лишь охраной железных дорог.

28 марта 1904 года Деникин был произведен в подполковники, а в октябре представился и случай принять участие в боевых действиях. Деникину предложили занять место раненого начальника Штаба Забайкальской казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал П. К. фон Ренненкампф, о котором шла солдатская молва как о храбром и боевом военачальнике.

19 ноября в столкновении с японцами у деревни Уйцзыуй генерал Ренненкампф поздравил своего нового начальника Штаба с боевым крещением, а спустя пять дней Деникин возглавит авангард в Цинхеченском бою. Это будет его первый опыт самостоятельного командования отрядом, состоявшим из полутора батальонов, четырех сотен казаков и горной батареи. В течение пяти дней Деникин отбивал атаки японцев, поднимая иногда своих солдат в штыки. В историю Русско-Японской войны впоследствии войдут названия сопки, где особенно ярко проявился русский героизм. Одна из них будет названа Деникинской.

В Мукденском сражении подполковник Деникин принял участие в должности начальника Штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии. Русские войска сражение проиграли, но даже в условиях командной неразберихи сохранили организацию и моральную стойкость.

Урало-Забайкальская казачья дивизия входила в состав большого конного отряда генерала П. И. Мищенко, особенно прославившегося в известном набеге в тыл японцев и в деле у Санвайзы 20 и 21 мая. В отряде Мищенко Деникин принял участие и в последнем бою Русско-Японской войны под Санвайзой 1 июля 1905 года, отличившись при штурме опорного пункта неприятельской позиции и разгроме батальона японской пехоты. За боевые отличия в делах с японцами Антон Иванович был награжден орденами Святой Анны III-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава II-й степени с мечами, Святой

*Поручик А.И. Деникин,
1893 год*

Анны II-й степени с мечами и, наконец, чином полковника. Высокой похвалой прозвучали и слова генерал-адъютанта Мищенко в приказе по Сводному кавалерийскому корпусу: «По справедливости я должен признать деятельность этого достойного офицера Генерального штаба высоко полезной как в отношении внутреннего быта частей дивизии, так и в особенности боевой службы, которая была очень трудной и ответственной. Все это время боевой жизни и службы с дивизией полковник Деникин проявлял выдающуюся энергию, работоспособность, усердие, правильное понимание и любовь к военно-

му делу. Расставаясь ныне с полковником Деникиным, считаю своим долгом от лица службы искренне поблагодарить его и пожелать ему светлого будущего».

По окончании войны Антон Иванович служил в Штабе II-го кавалерийского корпуса в Варшаве. Это было временным назначением, которое, впрочем, длилось ровно год. Столь длительному ожиданию вакансии было объяснение. В Главном управлении Генерального Штаба, которое ведало назначениями генштабистов, были вынуждены вспомнить опального капитана Деникина в связи с его новым проявлением характера: покидая 3 декабря 1905 года Дальний Восток, он направил начальнику Штаба при Главнокомандующем сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке письмо, где после перечисления сражений, в которых он принял участие, говорилось:

«...Генерал-адъютант Мищенко пять раз входил с представлением о награждении меня, и все представления в высших инстанциях были отклонены — факт сам по себе ничтожный, если бы не имел характера полного и оскорбительного отрицания моей боевой работы. Я далек от мысли приписывать это Главнокомандующему или командующему армией. Исключительно высокое положение этих лиц гарантирует полное их беспристрастие, и, не зная меня лично, они, конечно, не имели повода не доверять оценке генералов Ренненкампа и Мищенко, под руководством которых я работал. Наконец, щедрость Главнокомандующего в деле награждения, в особенности в последнее время, беспримерна.

Следовательно, переоценка моих заслуг делалась канцеляриями... И если бы я знал, кому я обязан таким исключительным к себе вниманием, я сказал

бы этим лицам, что их мнением совершенно не дорожу и побуждения считаю не высокими, что горжусь оценкой двух начальников, на глазах которых прошла моя боевая служба...»

Более года спустя, так и не дождавшись ответа, Деникин 14 февраля 1906 года просит передать решение вопроса (речь шла о награждении орденом Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом) на усмотрение начальника Генерального Штаба. На официальный запрос в Штаб войск на Дальнем Востоке 12 сентября был получен ответ: «...По моему глубокому убеждению, полковник Деникин не имеет ни малейшего основания считать себя обиженным вследствие недостаточного награждения... Я бы настаивал перед Вр[еменно] и[справляющим] д[олжность] начальника штаба на представлении его Вашему Превосходительству с ходатайством о наложении соответствующего взыскания на полковника Деникина, так как дерзкий тон письма, фельетонный его характер... все это свидетельствует, что у полковника Деникина отсутствуют те качества, которые желательны во всяком военном, но необходимы для офицера генерального штаба, — это дисциплина и служебный такт». Предоставим читателям самим оценить поступок Деникина, учитывая при этом, что традиции, сложившиеся в Русской Армии, позволяли просить ту или иную награду за участие в боевых действиях, и это отнюдь не считалось зазорным. Как бы там ни было, дело едва не закончилось выговором в послужном списке полковника Деникина.

В самом конце 1906 года Антон Иванович напомнил о себе новым рапортом в Управление Генерального Штаба, в не слишком корректной форме запрашивая о новом назначении. Ответ последовал резкий: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка». В запальчивости и раздражении Деникин ответил еще менее корректным рапортом в три слова: «Я не желаю», после чего стал ожидать начальственной грозы. Впрочем, все обошлось. В канун Нового, 1907 года Деникину пришло предложение занять должность штаб-офицера при Управлении 57-й резервной бригады в Саратове. Антону Ивановичу исполнилось 34 года, из них в офицерских чинах он был всего 14 лет, а уже был полковником и занимал довольно высокую для своего возраста должность. При получении чина полковника за боевые отличия Деникин по старшинству в этом чине обошел 148 своих сверстников.

В 1910 году он был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского Великого Князя Владимира Александровича полка, квартировавшего в Житомире. В результате произошедшей служебной перемены решительно изменилось и душевное состояние Деникина, в Саратове тяготившегося характером службы и ее условиями. Теперь он показал себя человеком необыкновенно энергичным и увлеченным. Офицеры вскоре с радостью приняли в полковую семью нового командира, ибо увидели в нем человека не плацпарадных традиций, а обращающего внимание на практические занятия: стрельбы, маневры, ускоренные переходы. Они сразу же отметили, что их тридцативосьмилетний командир заметно отличается от своего предшественника, для которого командование полком было лишь необходимостью отбыть командный ценз в своей карьере офицера Генерального Штаба. Деникин также был назначен на полк для отбытия строевого ценза и поэтому вначале был встречен настороженно. Но лед отношений быстро растаял, и Антона Ивановича полюбили и офицеры, и солдаты-Архангелогородцы.

*Полковник А.И. Деникин,
командир 17-го пехотного
Архангелогордского полка,
1911 год*

Наступил 1914 год. Смутное тревожное будущее придвинулось вплотную. Все чаще и чаще стали говорить в России о грядущей войне.

В том году у Антона Ивановича истекал срок цензового командования полком. 23 марта он был назначен исполнять должность генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. 21 июня Деникин за отличия по службе был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности. А всего за неделю до этого, 15 июня, в Сараево был убит Наследник Австро-Венгерского Престола Франц-Фердинанд. Выстрел в Сараево перерос в беспрерывную канонаду, четыре года сотрясавшую всю Европу.

* * *

После мобилизации, в ходе которой на плечи Деникина легли заботы по «формированию

трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий», он был назначен в Штаб VIII-й армии генерала А. А. Брусилова, заняв пост генерал-квартирмейстера. Начальником Штаба стал генерал П. Н. Ломновский, ровесник Антона Ивановича, отличавшийся угрюмостью и властностью; впрочем, иногда такое же впечатление о себе оставлял и Деникин, что позволило генералу М. В. Алексееву дать ему прозвище «мрачного».

Сразу же по разворачивании армий начались жестокие бои. А 21 августа, узнав об освободившейся должности начальника 4-й стрелковой бригады (прославленных еще с Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов «Железных стрелков»), Деникин обратился к Брусилову с просьбой предоставить ему эту вакансию. «Штабная работа меня не удовлетворяла, – вспоминал Антон Иванович. – Составлению директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями». Генерал Брусилов после некоторых колебаний все же согласился, и 22 августа Деникин отправился в «Железную бригаду».

Вскоре бригада стала для Антона Ивановича вторым домом, а «Железные стрелки» полюбили своего командира. За бои на реке Гнилая Липа Деникин был награжден Георгиевским Оружием. На этом посту, в упорных оборонительных боях, произошла и первая встреча Антона Ивановича с генералом Л. Г. Корниловым, командовавшим соседней 48-й пехотной дивизией. Рядом с ними сражался и будущий Донской Атаман генерал А. М. Каледин.

Во время боев на подступах к городу Самбор в связи с большими потерями и для более успешного ведения боя создавались смешанные боевые отряды. 7 октября был образован и отряд генерала Деникина, приданный XXIV-му армейскому корпусу. Помимо стрелков Деникину были подчинены 2,5 батальона пехотного Евпаторийского полка, более батальона пехотного Измаильского полка и эскадрон Белгородских улан. В полночь 8 октября из Штаба корпуса был получен приказ атаковать противника, а утром он конкретизировался: «Требую самых энергичных действий. Они необходимы, так как имеют решающее значение не только для успехов корпуса и армии, но и для исхода всей кампании». После упорного боя Деникин погнался противника, ворвавшись в село, откуда только что успел бежать Штаб Командующего австрийской группировкой Эрцгерцога Иосифа. За смелый маневр своего отряда Антон Иванович был удостоен второй Георгиевской награды – ордена Святого Георгия IV-й степени. За этим последовали столь же славные для «Железных стрелков» бои в Карпатах, а утром 21 ноября перед строем бригады были зачитаны телеграммы с горячей благодарностью от Верховного Главнокомандующего и командира корпуса. Более многословен был командующий армией генерал Брусилов: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю Вас, командиров и героев-стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой железной бригады живут в героических полках и впредь поведут их к победе и славе». 16 декабря бригада была полностью выведена из боевых действий и Рождество и Новый, 1915 год встретила на отдыхе.

В середине января VIII-я армия Брусилова перешла в наступление, но встретила сильное сопротивление австрийцев, усиленных переброшенными на подмогу союзникам германскими частями. Боевые действия на Карпатах получили название «резиновой войны», так как все время приходилось то углубляться в горы, то несколько отходить. «Железная бригада» по-прежнему исполняла роль «пожарной команды» VIII-й армии.

За новые славные дела Антон Иванович был награжден орденом Святого Георгия III-й степени. В Высочайшем приказе об утверждении этой награды его подвиг описывался так: «...находясь в составе 2-го кавалерийского корпуса и лично руководя действиями вверенной ему 4-й стрелковой бригады под сильным и действительным огнем выбил противника, проявившего огромное упорство, из ряда окопов и отбросил его за р[еку] Сан на участке Смольник – Журавин. Овладением важнейшими в тактическом отношении, сильно укрепленными высотами 761–703–710 настолько способствовал победоносному успеху всей Лутовиской операции, что без овладения этими высотами упомянутый успех был бы невозможен...» Три Георгиевские награды за полгода боевой службы – это не только признание выдающихся полководческих способностей Деникина, но и своеобразный рекорд в Русской Армии.

Положение в Карпатах стало легче сразу же после падения австрийской крепости Перемышль. 24 марта на позицию «Железной бригады» прибыл ге-

нерал Брусилов, который при встрече с Деникиным сказал: «Благодарю Вас за блестящие действия бригады. В предстоящей важной задаче, данной бригаде, рассчитываю на Вас, как на каменную гору». Тогда же Брусилов предложил Антону Ивановичу возглавить дивизию, но тот отказался, убедив Брусилова, что с «Железной бригадой» сделает гораздо больше, чем с любой дивизией. Через месяц после взятия Перемышля Галицию посетил Император. 10 апреля он прибыл в Самбор, где размещался Штаб армии Брусилова. Для почетного караула и встречи Царя была вызвана 1-я рота 16-го стрелкового полка, представившаяся в блестящем порядке во главе с командиром полка лихим полковником Н. П. Бирюковым и начальником бригады генералом Деникиным. Николай II был в хорошем настроении и очень любезен со всеми.

Но вскоре наступили тяжелые времена. Вспоминая о днях германского прорыва у Горлице, Антон Иванович писал: «...Вся обстановка и даже тон отдаваемых свыше распоряжений свидетельствовал о катастрофе. И впервые я почувствовал нечто, похожее на отчаяние...» Начиналось Великое Отступление Русской Армии, в котором «Железные стрелки», развернутые из бригады в дивизию, действуют в привычной уже им роли «пожарной команды». Русские войска хотя и отступали, но без панического бегства. Их контратаки заставили австро-германцев приостановить свое наступление.

8 сентября Деникин получил приказ о наступлении на Луцк во взаимодействии с левым крылом XXX-го армейского корпуса. Превосходство сил противника было настолько велико, что, несмотря на все мужество «Железных стрелков», их атаки захлебывались. Генерал Брусилов решил подействовать на их самолюбие и заявил, что если они не смогут взять Луцк, его возьмет XXX-й корпус, – и отдал приказ командиру корпуса генералу А. М. Зайончковскому атаковать Луцк с севера. Брусилов вспоминал: «Зайончковский тотчас же сделал распоряжения, но вместе с тем в приказе по корпусу объявил, что 4-я стрелковая дивизия взять Луцк не может и что эта почетная задача возложена на его доблестные войска. Этот приказ, в свою очередь, уколол Деникина, и он, уже не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк, одним махом взял его, во время боя въехал на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк». «Вслед за сим Зайончковский донес о взятии им Луцка, – вспоминал Деникин, – но на его телеграмме Брусилов сделал шутовскую пометку “...и взял там в плен генерала Деникина”». За умелое руководство частями своей дивизии Антон Иванович был представлен к чину генерал-лейтенанта (производство в чин было утверждено Высочайшим приказом 11 мая 1916 года). А к началу октября обе воюющие стороны, истощив свои силы, стали зарываться в землю, перейдя к позиционной войне.

Молодой офицер Генерального Штаба, капитан Б. Н. Сергеевский, познакомившийся с Деникиным чуть позже, в начале октября, во время Чарторийской операции (в ходе которой «Железная дивизия» захватила в плен около 8500 австро-германцев), впоследствии вспоминал: «Генерал Деникин не имел еще всероссийской известности, но среди офицеров генерального штаба на Юго-Западном фронте его имя было хорошо известно, причем молодые офицеры генерального штаба его обыкновенно называли “наш Антон Иванович”. Он отвечал нашим молодым военным идеалам – всегда вперед, всегда маневр и, зачастую, – борьба со своим старшим, очень вялым и пассивным начальством. И в штабах начали весьма побаиваться этого энергичного и сурового, но и строптивного генерала. Должен здесь прибавить, – продолжает Сер-

геевский, – что и противник наш оценил генерала Деникина еще раньше и выше, чем мы. Так, я допрашивал одного взятого в плен австрийского командира роты, который мне сказал: “Мы знаем этого страшного генерала”. Позже австрийский генерал писал в своем приказе: “Будьте бдительны – против нас самый активный генерал русской армии, и он может напасть на нас в любое время”. И угадал, ибо и самый приказ этот был захвачен железными стрелками».

Между генералом Деникиным – начальником «Железной дивизии», и капитаном Деникиным, когда-то командовавшим ротой Пултусского полка и ставившим в ней опыты либерализма, – «дистанция огромного размера». Приказы генерала Деникина лаконичны и понятны любому командиру, в них нет и тени сомнения в победе, форма, в которую облакались эти приказы, не оставляла у подчиненных даже мысли о возражении. Тот же Сергеевский, прослушав, как в тяжелой ситуации ставил задачи своим командирам полков Антон Иванович, вспоминал: «Я был потрясен и понял, что слушал приказ вождя милостию Божией».

С началом ноября, с первыми заморозками, на Юго-Западном фронте наступило затишье, длившееся до весны 1916 года. Спустя четырнадцать месяцев почти непрерывных боев, «Железная дивизия» наконец-то получила возможность отдыха. К этому времени она сменила шестнадцать различных корпусов, получив название «дивизии скорой помощи» при обороне и «ударной фаланги VIII-й армии» при наступлении.

«Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном районе. Вместо смелых набегов, кровавых боев – нудная позиционная война с ее неизбежными атрибутами для стрелков: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки», – так описывал свою жизнь на позициях в ноябре 1915-го генерал Деникин в письме будущей жене, Ксении Васильевне Чиж. К тому времени маленькая Ася, которую Антон Иванович знал в Беле, выросла. Она окончила перед войной институт благородных девиц в Варшаве и сейчас училась в Петрограде на курсах профессора С. Ф. Платонова, где готовили преподавательниц русской истории для женских учебных заведений. Она чувствовала себя одинокой: жених – молодой офицер гусарского полка – погиб на фронте, родители развелись, обзаведясь каждый своей новой семьей. Одиноким чувствовал себя и Антон Иванович. В начале января 1916 года тяжело и безнадежно заболела его семидесятитрехлетняя мать (скончалась она в октябре). 4 апреля Антон Иванович просил руки Ксении Васильевны и получил согласие. Венчаться решили по окончании войны.

...На рассвете 22 мая 1916 года залп двух тысяч орудий по всему Юго-Западному фронту от Припяти до Прута возвестил о начале величайшей Галицийской битвы, известной как «Брусиловский прорыв». В 9 часов утра 23 мая «Железные стрелки» в едином порыве бросились в атаку. Уже через двадцать минут первые линии обороны противника были смяты. К 17 часам задача, поставленная дивизии, была полностью выполнена. В плен было взято 180 офицеров, около 5 000 солдат, захвачено 25 орудий и 32 пулемета. Дивизия потеряла 10 офицеров и 2 357 стрелков. К исходу боя 23 мая командующий VIII-й армией генерал Каледин направил Деникину телеграмму: «Благодарю Вас от всего сердца, равно как и всех героев-стрелков, за их сегодняшний славный штурм и безупречную доблесть». А к 9 часам вечера 25 мая, продолжая наступление, «Железная дивизия» на плечах опрокинутого противника во-

*Военный министр
А.Ф. Керенский
и главнокомандующий
армиями Западного фронта
генерал А.И. Деникин*

рвалась в Луцк. За взятие Луцка Антон Иванович получил редкую награду – «Георгиевское Оружие, бриллиантами украшенное», с надписью «За бои с 22 по 31 мая 1916 года».

И далее «Железные стрелки» были в самом пекле. Однажды на запрос корпусного инженера для донесения начальнику Штаба Юго-Западного фронта, какие применялись средства преодолевания препятствий, начальник дивизии генерал Деникин ответил: «Разгром артиллерией и дух войск». Особенно ярко этот дух проявился в единоборстве со знаменитой германской

Брауншвейгской «Стальной» 20-й пехотной дивизией.

Сорок четыре атаки Брауншвейгцев разбились о русское железо. «Никогда, – говорили пленные из «Стальной дивизии», – мы не допускали и мысли, что здесь, на Восточном театре, могут происходить такие кровопролитные бои. У нас, во Франции, было куда спокойнее. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу с начала войны».

6 сентября 1916 года генерал-лейтенант Деникин был назначен командиром VIII-го армейского корпуса. С грустью расставался Антон Иванович со своими стрелками, которыми прокомандовал два военных года. На склоне лет генерал, вспоминая всю свою жизнь, эти два года назовет самыми лучшими.

В истории имя Деникина прежде всего связывают с Гражданской войной, когда он возглавил, пожалуй, самое мощное сопротивление большевицкому режиму. Деникин – начальник дивизии, корпуса, почти неизвестен. А вот что, к примеру, писал о Деникине генерал П. С. Махров, исполнявший должность генерал-квартирмейстера Штаба VIII-й армии: «Не было ни одной операции, которой он не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого бы он не выиграл. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами...»

Антон Иванович принял корпус 30 августа, в разгар подготовки общего наступления армий Юго-Западного фронта. Времени для раздумий не было, а

план наступления приходилось разрабатывать с учетом огромного количества подчиненных частей: всего под командованием генерала оказалось 48 батальонов численностью 27 340 штыков.

Как и прежде, приказы генерала Деникина были кратки до предела и отличались точностью и ясностью. 3 сентября после шестичасовой артподготовки войска перешли в атаку, но были встречены настолько сильным огнем, что залегли перед проволокой противника. За один день потери корпуса составили 82 офицера и 4487 солдат. О чем думал Деникин, получая сводки потерь от своих командиров? Ему и раньше приходилось водить полки «Железной дивизии» в огонь, своими глазами видеть смерть стрелков. Но здесь за один день – такие потери и при нулевом результате. А Штаб Каледина все требовал и требовал выполнения директивы Брусилова о наступлении. Деникин-генерал беспрекословно выполнял приказы, но Деникин-человек, которому всегда было свойственно мыслить широко, не мог не задуматься над тем, что подобная война на измор может явиться и причиной внутренних потрясений, тем более что из глубокого тыла непрестанно нарастал гул недовольства, подогреваемый искусными политиками, рвущимися к власти.

Весь сентябрь и начало октября шли упорнейшие бои. Деникин все-таки выполнил поставленную задачу, командуя в ходе боевых действий не только своими дивизиями, но и рядом временно подчиненных ему соединений, в том числе и «Железными стрелками». 10 октября он покинул фронт по вызову врача, лечившего его мать, но в живых ее уже не застал. На похороны приехала и Ксения Васильевна и немного утешила горе Антона Ивановича. Уезжая обратно на фронт, он писал с дороги своей невесте: «Последние недели имели огромное значение в моей жизни, положив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. И неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи».

Вернувшись в корпус, Деникин узнал о его переброске в Румынию, где шли тяжелые бои. Лишь к Рождеству фронт застыл в снегах жестокой зимы. В самом конце 1916-го Антон Иванович с оказией отправил длинное письмо невесте, в котором откровенно обрисовал общее положение на фронте и в Румынии: «В общем, узнали-таки страну, где беспорядок государственный и социальный больше нашего».

«Государственный беспорядок» – эти слова оказались пророчеством. Над Россией всходила кровавая звезда 1917 года.

* * *

Фронт продолжал держаться, в то время как политики разных мастей расквашивали государственную лодку России. В марте 1917-го им удалось добиться отречения Николая II, после чего Россия начала свое восшествие на Голгофу, а в ее истории открылась страница революционного позора.

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее вестью об отречении Государя. Уже в первые недели марта выявилась полная несостоятельность новой власти. Говоруны из Временного Правительства умели хорошо критиковать Императорское Правительство, получив же власть из Царских рук, сразу оказались банкротами. Управлять государством оказалось куда труднее, чем произносить речи, и уже очень скоро они вернулись к привычным для них занятиям. Митинги, политические споры, в которых неизменными были обещания о скором благоденствии, – вся эта маниловщина захлестнула страну. Временные перебои с поставкой хлеба в Петроград в конце

1916 года превратились в постоянные, начал катастрофически обесцениваться рубль. Финансовая реформа свелась к обычной замене денежных знаков, да и остальные ограничились заменой внешних атрибутов: полицию переименовали в милицию, губернаторов – в комиссаров, нижних чинов Армии – в солдат. «Создавая» новое, уродливо копировали старое. Символом такого творчества стал новый герб – уродливая птица, лишь отдаленно напоминавшая былого орла.

Новая власть сняла все ограничения в свободах. Из-за границы стали возвращаться революционные радикалы, а их вождь Ленин сразу же по возвращении в Россию провозгласил курс на новую революцию. В стране образовалось двоевластие: Временное Правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. В своей борьбе за власть и Советы, и новое Правительство не забывали о многомиллионной Армии. И для тех, и для других реальную опасность представлял офицерский корпус, особенно кадровое офицерство, воспитанное на вековых традициях, квинтэссенцию которых составляли понятия: Вера, Царь и Отечество. Новый военный министр А. И. Гучков произвел настоящее «избиение» высшего командного состава. Была отрешена половина корпусных командиров и около трети начальников дивизий. Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Роковую роль в развале Армии сыграл предательский Приказ № 1 петроградского Совдепа, который привел к переходу власти в войсках к солдатским комитетам и нанес смертельный удар офицерскому корпусу.

18 марта генерал Деникин получил приказание немедленно прибыть в Петроград к военному министру и после непродолжительных переговоров с Гучковым и генералом Алексеевым был назначен сначала помощником начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, а вскоре и начальником Штаба.

Чем же было вызвано назначение на столь высокий пост корпусного генерала, ранее не командовавшего ни армией, ни фронтом? Временное Правительство, обеспокоенное, с одной стороны, монархическими настроениями офицерского корпуса, а с другой – все возрастающим влиянием Советов, выдвигало на высшие посты людей либерально-демократических взглядов. Антон Иванович имел именно такую репутацию. Всем, в том числе и Гучкову, были памятливы статьи генерала, направленные против косности в Армии, отличавшиеся резкой критикой военной бюрократии. Бралось в расчет и происхождение Деникина, а также его блестящая репутация боевого генерала и популярность среди солдат и офицеров.

25 марта генерал Деникин прибыл в Ставку и, приняв высокую должность, всецело погрузился в сложную и кропотливую работу. Положение осложнялось еще и тем, что Антон Иванович, привыкший к самостоятельным решениям и личной ответственности, не мог смириться с тем, что функции начальника Штаба во многом исполнялись самим Верховным Главнокомандующим М. В. Алексеевым.

С первых дней существования организованного Алексеевым Союза офицеров Деникин стал его активным членом, заранее зная, что выбираемый им путь ведет через бури и лишения. Речь, с которой Антон Иванович выступил 22 мая на закрытии офицерского съезда, всколыхнула офицерство и нашла живой отклик у всего честного и порядочного, что еще оставалось в России.

«С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря. Вы – бесчисленное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы – бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете? Нет!

Слабые – поднимите головы. Сильные – передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла... Проживши с вами три года войны одной жизнью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им: – Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полуничтоженское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны – как яркий светильник – жажду подвига. Подвига – для счастья Родины. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: Берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Речь генерала Деникина быстро распространилась по фронту, вызывая восторг в офицерской среде и ненависть в солдатских комитетах. В то же время Антон Иванович понимал, что одними речами изменить что-либо было невозможно, нужны дела. И он вошел в тайный состав Главного Комитета Союза офицеров. «Комитет, – вспоминал генерал, – поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры – единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну».

Так произошел в судьбе генерала поворот, определивший всю его дальнейшую жизнь, а русской истории давший одного из самых выдающихся деятелей контрреволюционного движения.

Активная позиция Деникина по вопросу неприятия демократизации Армии предрешила его дальнейшую военную судьбу. В Петрограде косо посмотрели на его моральную поддержку позиции генерала Алексеева. Видный революционный деятель В. Б. Станкевич, характеризуя деятельность Антона Ивановича, писал: «Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы с провокационно-резкими нападками на новые порядки в армии – именно нападки, а не советы... Разве можно советовать отменить революцию?»

Смещение Деникина с поста начальника Штаба Верховного Главнокомандующего было лишь вопросом времени. Несмотря на неопределенность своего дальнейшего служебного положения, Антон Иванович принял живейшее участие в разработке плана летнего наступления под началом нового Верховного, генерала Брусилова.

Керенский торопил Ставку с подготовкой наступления на фронте, он верил в победу, которая могла бы упрочить его положение. Верил в возможность наступления и генерал Деникин, правда, с немаловажной оговоркой – если удастся вывести войска из окопов. План наступления был разработан до мель-

чайших подробностей, Армия была хорошо вооружена, одета и сыта, но согласятся ли вкусившие всяких свобод русские солдаты подняться в атаку? Этого не знал никто – ни новый Верховный, ни штабы, ни офицеры, ни сами солдаты.

Ради осуществления плана наступления Керенский готов был до поры потерпеть оппозиционного генерала Деникина в Ставке. Но лишь до поры. Уже в конце мая новым начальником Штаба был назначен генерал Лукомский. Брусиллов, вспоминая Деникина, решил поговорить с ним откровенно.

«– Антон Иванович. Они боятся, что, если Вас назначить на фронт, Вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

– Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану».

В те дни он писал невесте: «Ныне отпускаеши... хоть и не совсем. Временное правительство, отнесясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее. Ухожу я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстера. Как странно – я горжусь этим. Считаю, что хорошо. Мало гибкости? Гибкостью у них называется приспособляемость и ползание на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».

В начале июня генерал Деникин уехал в Минск, где располагался Штаб Западного фронта, которым ему теперь предстояло командовать. Как всегда, кратко и ясно изложил он всем «свой символ веры»: «Революционизирование армии и внесение в нее демагогии считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников».

Самое тяжелое впечатление осталось от знакомства с разлагающимися войсками. Не только ни одна армия в мире не могла бы воевать в таком положении, но и существование для нее было бы весьма проблематично. Но Русская Армия, смертельно больная, покрытая язвами большевизма и революционной демократии, продолжала самоотверженно выручать своих союзников, оттянув на свой фронт 144 пехотные и 21 конную дивизии врагов – больше, чем когда-либо за всю войну. И все же попытку летнего наступления можно охарактеризовать словами германского полководца Э. Людендорфа: «Это уже не были прежние русские». Наступление очень скоро превратилось в отступление, а местами в бегство. Деникину приходилось вести одновременно две операции – одну против неприятеля, другую против собственных войск, оцепляя верными частями и разоружая мятежные полки и дивизии. «Я возвращался из 10-й армии в Минск с отчаянием в душе и с явным сознанием полного крушения последней тлевшей еще надежды на чудо», – вспоминал он.

В связи с произошедшей катастрофой Керенский решился на созыв совещания в Ставке, куда пригласили Главнокомандующих фронтами. В полтора часа речи, отбросив все условности, поставив на карту свою военную карьеру, генерал Деникин мужественно обрисовал картину развала Армии и предложил свои меры вывода ее на истинный путь. Всю вину за развал он возложил на комитеты и комиссаров. «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского

организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев...» Предложил Антон Иванович и меры по выходу из создавшегося положения:

«Армия развалилась, необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства...

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство...

3) Изъять политику из армии...

4) Отменить «декларацию» (имеется в виду Декларация прав солдата. — Ю. Т.) в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла, войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления...»

Полковник Д. Н. Тихобразов, стенографировавший доклад, вспоминал вызванное им впечатление: «Неудивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться. У министра иностранных дел М. Терещенко из глаз катились слезы».

Генерал заканчивал свой доклад: «...Судьба страны зависит от армии... Но вы, — продолжал Антон Иванович, глядя на Керенского, — вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними... Если в вас есть совесть!»

Все сидели в оцепенении. Керенский, всегда резкий в движениях, поднялся как-то тяжело, медленно подошел к Деникину и протянул руку: «Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово».

Но был ли искренен сам Керенский? Впоследствии, давая показания Верховной следственной комиссии по делу генерала Корнилова, он оправдывался и говорил, что его одобрение относилось не к содержанию речи Деникина, а к проявленной решимости генерала. По существу же, продолжал Керенский, «генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущей военной реакции».

Прислал по телеграфу свои соображения в Ставку и генерал Корнилов, отсутствовавший на совещании из-за занятости на фронте. Лавр Георгиевич был солидарен с Деникиным. Оба патриоты, пользующиеся среди знавших их солдат и офицеров уважением и любовью, оба неискушенные в политике, — они выступили по-рыцарски честно, с открытым забралом, против революционной вакханалии. Оба поверили, что и Временное Правительство поддерживает их чаяния и стремления, когда Керенский назначил Корнилова новым Верховным Главнокомандующим. По настоянию Корнилова Антон Иванович

Группа арестованных офицеров Юго-Западного фронта в Быхове. Слева направо: поручик N, генералы Е.Ф. Эльснер, Г.М. Ванновский, А.И. Деникин, И.Г. Эрдели, С.Л. Марков, М.И. Орлов, сентябрь 1917 год

был назначен на пост Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В Ставке генералы встретились наедине:

«Лавр Георгиевич тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее:

– Нужно бороться, иначе страна погибнет... Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на Вашу поддержку?

– В полной мере...»

Генерал Деникин давно уже был готов бороться за спасение Армии и России.

Прибыв в Штаб Юго-Западного фронта, который располагался в Бердичеве, Деникин был встречен революционными учреждениями фронта весьма настороженно. Помимо боевой аттестации, полученной в Штабе, во фронтовом Комитете была получена характеристика на генерала из Комитета Западного фронта. В ней Антон Иванович характеризовался как «враг демократии».

Деникин решительно повел борьбу по ограничению деятельности комитетов. Он не раз пытался прекратить перенос политики в окопы, но всегда встречал противодействие комиссара фронта Иорданского. Отношения портились с каждым днем.

7 августа Корнилов вытребовал с Юго-Западного фронта Кавказскую Туземную дивизию, спустя неделю – III-й конный корпус и Корниловский ударный полк. Тогда Деникин понял, что настало время действий, и всецело стал на сторону своего Верховного Главнокомандующего. Не отступил он и 27 августа, когда во всех штабах фронтов была получена телеграмма Керенского об отрешении от должности генерала Корнилова.

Генерал Деникин, не считая возможным отождествлять себя идейно с Временным Правительством, тотчас же послал в Петроград телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. *Деникин*».

31 августа Керенский назначил себя Верховным Главнокомандующим, 2 сентября генерал Корнилов был арестован, а вместе с ним – и почти все члены Главного Комитета Союза офицеров. За арестами в Ставке последовали аресты в штабах фронтов.

Революционный переворот происходил в те дни и на Юго-Западном фронте, где комиссар Иорданский принял на себя военную власть, произвел ряд арестов среди старших чинов Главного управления снабжений и от своего имени выпустил воззвание к солдатам о том, как генерал Деникин пытался «возвратить старый режим и лишить русский народ земли и воли». В Бердичеве руководство фронтового Комитета обвиняло Деникина в «контрреволюционной попытке свергнуть Временное правительство и восстановить на престоле Николая II». Прокламации, адресованные солдатам, возымели действие, и вскоре толпы солдат на митингах требовали расправы над «генералами-заговорщиками». А 29 августа из окон своего дома Антон Иванович увидел, как огромная толпа вооруженных солдат с двумя броневыми автомобилями под красными флагами движется в направлении штаба и его дома...

* * *

В середине сентября Военная комиссия петроградского Совета постановила – суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных на Юго-Западном фронте перевести из Бердичева в Быхов, где содержались под стражей Корнилов и его соратники. В конце сентября бердичевские арестанты прибыли в Быхов.

Жизнь продолжалась и в тюрьме, там же продолжалась борьба. Здесь под защитой верного Корнилову Текинского полка рассматривались варианты по обузданию Смуты. На квартире адъютанта Корнилова, корнета Хаджиева организовали «почтовую станцию»: отсюда уходили письма на волю. Главными пунктами связи являлись Могилев (Ставка генерала Н. Н. Духонина), Новочеркасск (Штаб Донского Атамана А. М. Каледина), Петроград (собиравшаяся вокруг генерала М. В. Алексева организация).

«Быховские узники» были прекрасно осведомлены о положении в стране и на фронте. Они знали, что на смену Керенскому идут большевики. Предполагали, что суда над ними может и не быть, так как в любую минуту мог совершиться самосуд разгневанной революционной толпы солдат Могилевского гарнизона. Уже несколько раз Могилевским Советом делались попытки убрать из Быхова Текинский полк, всадники которого не только надежно охра-

няли узников, но и сдерживали остальную охрану, разлагавшуюся не по дням, а по часам.

«Вы керенские, мы корниловские, – говорили текинцы, – будем резать». Солдаты после таких аргументов сразу же замолкали.

Всех узников мучил один и тот же вопрос: куда уходить в случае победы большевиков? Связь с внешним миром все больше убеждала, что уходить надо на Дон, там видели опальные генералы русскую Вандею.

25 октября большевики взяли власть. Свершилось то, что должно было случиться из-за предательства Керенского. Он и только он отдал Россию на растерзание Ленину и его единомышленникам.

С бегством из Петрограда Керенского его функции Верховного Главнокомандующего перешли к начальнику Штаба Ставки генералу Н. Н. Духонину. Военный интеллигент, высокообразованный генштабист, добросовестный исполнитель-служака, Духонин не был искушен в политике. Он по-прежнему стремился всеми средствами удержать развалившийся фронт и отверг распоряжение Совета Народных Комиссаров начать сепаратные мирные переговоры. И 17 ноября революционные войска под командой большевицкого «Главноверха» прапорщика Н. В. Крыленко двинулись к Могилеву. Духонин решил оставаться на своем посту до конца, пожертвовав собой ради спасения многих, кто мог продолжить борьбу с большевизмом, и в частности распорядился освободить быховских узников. С этим приказанием он послал в Быхов начальника Оперативного отдела Ставки полковника П. А. Кусонского.

Полковник прибыл в Быхов 19 ноября рано утром. Его сразу же провели к Корнилову. Вытянувшись во фронт, Кусонский отрапортовал: «Через 4 часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал Вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Начальник внешней охраны тюрьмы прапорщик Гришин заявил солдатам, что генералы Лукомский, Деникин, Марков и Романовский освобождаются по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии. Все четверо переоделись и, как могли, изменили свой внешний вид. Лукомский превратился в «немецкого колониста», Романовский сменил генеральские погоны на прапорщичьи, а Марков стал солдатом, уволенным и едущим домой. Генерал Деникин преобразился в «польского помещика». Всем были вручены фальшивые документы, полученные в Штабе Польского корпуса, которым командовал «корниловец» генерал И. Р. Довбор-Мусницкий. Посоветавшись, опальные генералы решили разделиться. Первыми уехали Романовский и Марков. К ним присоединился Кусонский. Чуть позже направился в Смоленск генерал Лукомский. Антон Иванович пока оставался в Быхове.

Вслед за Великой Империей погибла и Армия Петра Великого. Все честное, что было в России, устремилось на Дон, чтобы спасти свою поруганную Родину.

Под покровом морозной ночи 19 ноября генерал Деникин в гражданском костюме и с документами на имя помощника заведующего 73-м перевязочным польским отрядом Александра Домбровского добрался до быховской железнодорожной станции и после нескольких часов ожидания сел в поезд, шедший в Ростов-на-Дону.

В пути Деникин увидел на проезжавшихся станциях огромные объявления о бегстве генералов Корнилова, Деникина и других узников быховской тюрьмы. Военно-революционный комитет призывал к задержанию и аресту

контрреволюционных генералов. В поезде, набитом солдатами, шли бесконечные проверки документов красногвардейскими патрулями. Чтобы не вступать в разговоры и не быть случайно обнаруженным, Антон Иванович забрался на верхнюю полку в купе и, повернувшись лицом к стене, делал вид, что спит.

«Мое долгое лежание на верхней полке, – рассказывал Деникин, – показалось подозрительным, и внизу заговорили: – Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский? Поверни-ка ему шею!

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому, сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись, за беспокойство угостили меня чаем...»

На Харьковском вокзале Деникин случайно встретил Романовского и Маркова. Дальнейший путь проделали вместе, соблюдая правила конспирации.

В Новочеркасск все прибывали и прибывали переполненные людьми поезда. Голод и разруха гнали людей из центра России на Дон. В одном из таких поездов 22 ноября в столицу Войска Донского и прибыли генералы Деникин, Марков и Романовский. Их никто не встречал, и вскоре, смешавшись с толпой, они покинули вокзал и направились на Барочную улицу, где в старом здании бывшего госпиталя разместился штаб «Алексеевской организации», формировавшей отряды для борьбы с большевиками и продолжения войны с Германией. Здесь же на стене барака висело написанное от руки объявление, в котором кратко была сформулирована задача будущей армии – «Воссоздание Российской государственности путем свержения большевистской власти и защита земли русской».

Прибыв к А. М. Каледину, Деникин попросил того «высказаться совершенно откровенно о возможности... пребывания на Дону», опасаясь, что это создаст для Донского Атамана политические осложнения с революционными учреждениями. Подумав, Алексей Максимович ответил: «На Дону приют Вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы Вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...»

В ожидании Корнилова Деникин, Марков и Романовский решили на время разъехаться. Антон Иванович с Марковым уехали на Кубань, Лукомский – во Владикавказ, а Романовский остался в Новочеркасске, где принял участие в деятельности Алексеевской организации.

Деникин и Марков прожили неделю в станице Славянской, затем перебрались в Екатеринодар. На Кубани дело обстояло не лучше, чем на Дону. «Внутреннее состояние здесь было еще более сложно и тревожно... – вспоминал Антон Иванович. – И если оно не прорывалось крупными волнениями, то только потому, что внутренний фронт был далеко, и Донская область прикрывала Кубань от непосредственной угрозы воинствующего большевизма».

6 декабря в Новочеркасск прибыл генерал Корнилов. Из Петрограда, Москвы, Киева, с развалившихся фронтов на Дон стекались генералы, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь. Казалось, еще немного, и вырастут полки, целые ополчения, подобные тем, которые триста лет назад возглавили Минин и Пожарский. Всех объединял порыв защитить поруганную Русь.

«Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, – это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого

континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу», — писал в эмиграции генерал Деникин.

Прагматики, наблюдавшие со стороны, как медленно растет Добровольческая Армия, иронически восклицали: «На что они надеются?!»

А действительно, на что надеялись соратники Корнилова? Возможно, они думали, что Православный русский народ одумается, отвергнет обманщиков и, увидев в новой Армии пример организованности и порядка, без боя, без пролития братской крови повернет на путь истинный...

За месяц смогли набрать чуть более трех тысяч человек, в основном офицеров и юнкеров. Но во главе Армии, уступавшей по численности полнокровному полку, оказалось сразу два бывших Верховных Главнокомандующих, к тому же не всегда ладивших между собой. Спор, кому возглавить Армию, решил генерал Деникин, вернувшийся с Кубани сразу после прибытия на Дон Корнилова и получивший назначение на должность начальника Добровольческой дивизии. Рассудительный Антон Иванович предложил сосредоточить военную власть в руках Корнилова, а Алексееву поручить гражданское управление, финансы и международные связи. Каледин оставался во главе управления Областью Войска Донского. Скорому разрешению вопроса о командовании способствовали и вести о приближении частей советских войск. Главной же задачей по-прежнему было формирование Армии. Когда Корнилову был представлен один из списков добровольцев, тот был поражен: «Это все офицеры, а где же солдаты! Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!»

Лавру Георгиевичу было отчего впасть в ярость. Из трех с небольшим тысяч добровольцев — солдат насчитывалось не более полутора ста человек. Седые полковники, а иногда и генералы брали в руки винтовки и становились в строй как рядовые. Такого не знала еще ни одна армия в мире.

Пестрым был и состав Армии. Ее основу составил Корниловский ударный полк, вернее его остатки, с трудом пробравшиеся на Дон, во главе с доблестным командиром подполковником М. О. Неженцовым. Кадрами для дальнейшего развертывания в полновесные боевые части стали Георгиевский полк, возглавляемый полковником И. К. Кириенко, 1-й, 2-й и 3-й офицерские батальоны (командиры: полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, впоследствии полковник Симановский). Из юнкеров и кадет старших классов был создан под командованием штабс-капитана Парфенова Юнкерский батальон. Из учащейся молодежи Ростова был сформирован Ростовский добровольческий полк под командой генерал-майора А. А. Боровского. Два кавалерийских дивизиона возглавили полковники Гершельман и Глазенап. Подполковники Ерогин и Миончинский стали во главе двух артиллерийских батарей, созданных преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров-артиллеристов. Были и более мелкие части, именовавшиеся партизанскими отрядами, отдельными ротами, дивизионами, батальонами.

Так со смертью Императорской Армии забилось сердце Армии Добровольческой. «В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи», — писал эмигрантский историк и публицист А. А. Керсновский, справедливо причисляя к праведникам всероссийского Содома офицеров Русской Армии и пошедшую за ними учащуюся молодежь.

В этой обстановке Антон Иванович и Ксения Васильевна решили обвенчаться. Невеста Деникина прибыла на Дон раньше Антона Ивановича, когда

он еще находился в Быхове. По окончании Рождественского поста и праздника Рождества Христова 7 января 1918 года Ксения Васильевна Чиж стала женой генерала Деникина.

В середине января Штаб и все Добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов. Однако уже к концу месяца стало ясно, что пребывание в Ростове в любой момент может стать губительным для небольшой Добровольческой Армии. С севера, запада и востока двигались советские полчища и революционизированные казачьи части. То и дело вспыхивали восстания в Таганроге и Батайске. Так и не успев развернуть свои кадры, части Добровольческой Армии были двинуты на фронт, противопоставляя многочисленности противника – военное искусство и необычайное воодушевление.

Январь 1918-го выдался на редкость морозным. Добровольческие части, плохо одетые, держали оборону, и их ряды таяли с каждым днем, а замены не было. Пришлось оставить Таганрог. Видя серьезные потери в частях полковника А. П. Кутепова, Деникин отдал ему приказ отойти в район станции Синявской, что находилась в одном переходе от Ростова. Там отряд поступил в распоряжение генерала А. П. Черепова. Из Ростова на передовую уходили последние резервы, в том числе и Корниловский полк.

Первого февраля советские войска Р. Ф. Сиверса, переброшенные по железной дороге, неожиданно ударили на части Добровольческой Армии у Батайска, сбили их и частично окружили. Деникин срочно отдал приказ перекрыть все переправы через Дон Юнкерским батальном. Армия таяла на глазах. В ночь на 9 февраля Сиверс начал штурм оборонительных укреплений у Ростова. Опасаясь полного окружения, Корнилов приказал отходить за Дон, в станицу Ольгинская.

Добровольцы покидали Ростов. Впереди вытянувшейся колонны с винтовками и вещевыми мешками за плечами молча шли генералы Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Алексеев. О чем думали генералы, вглядываясь в бескрайние заснеженные просторы? О том, чем была Русская Армия и чем стала в виде этих жалких нескольких десятков повозок? О том, что их ждет впереди?

«Мы уходим в степи, – писал генерал Алексеев. – Можем вернуться только, если будет милость Божья». Не менее тревожные мысли посещали и Антона Ивановича, решившего оставить молодую жену в Ростове, дабы не подвергать ее опасностям предстоящего похода. Ксения Васильевна, подчинившись воле мужа, поселилась в меблированной комнате в доме, принадлежавшем богатой армянской семье. На ее счастье, в городе никто ее не знал. Жила она под девичьей фамилией, поэтому никому и в голову не пришло, что совсем еще молодая девушка является женой известного генерала.

Итак, маленькая Белая Армия, покидавшая Ростов, шла навстречу неизвестности. Начинался ее первый поход, который получит название Ледяного и принесет России славу новых, рожденных в походе полков.

* * *

Штаб генерала Корнилова, выйдя из Ростова, еще не знал, куда он поведет Добровольческую Армию. Правда, и вариантов было не так уж много: донские зимовники – отдаленные места в степи, куда на зиму отгоняли табуны лошадей, – или Кубань. Корнилов и Лукомский стояли за первый вариант, ибо в зимовники направил свой казачий отряд генерал П. Х. Попов, не пожелавший оставаться в Новочеркасске, занятом большевиками. За Кубань были

генералы Алексеев и Деникин. На военном совете их поддержало большинство. Антон Иванович выступал не столько за Кубань, сколько против движения Армии на восток, в район зимовников, полагая, что части в скором времени окажутся зажатыми с одной стороны весенним половодьем Дона, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, контролируемой большевиками. В конечном счете доводы Деникина убедили генерала Корнилова.

В большой станице Ольгинской остановилась вся Армия. Вид у Армии был потрясающим, поражала пестрота в одежде: мелькали офицерские шинели и гражданские пальто, гимназические фуражки, папахи и шляпы, обуты были не менее разнообразно – сапоги, валенки, опорки. Антон Иванович, потерявший походный чемодан с мундиром, был в штатском. У многих офицеров на плечах красовались погоны собственноручного изготовления: кусок попавшего под руку материала, на котором химическим карандашом были нарисованы просветы и звездочки. Издали, как вспоминали участники этого похода, Армия напоминала цыганский табор. И только по четко отдававшимся командам можно было понять, что это была все же армия.

Здесь произошло переформирование. Антона Ивановича генерал Корнилов назначил помощником Командующего Армией. «Функции довольно неопределенные, – вспоминал Деникин, – идея жуткая – преемственность». Станицу Армия покинула спустя два дня и стала медленно продвигаться к станции Егорлыцкой. Была непролазная грязь. В пути присоединялись новые добровольцы – группами, в одиночку, некоторые были больными, ранеными, но все делали вид, что здоровы – лишь бы их не оставили на растерзание большевикам. В переходах старались избегать столкновений с красными, ибо не было необходимых сведений и о противнике, и об обстановке за пределами небольшой колонны, в которую вытянулась Добровольческая Армия. Сказывалось отсутствие должного числа конницы, которое не позволяло производить дальней разведки. Когда выяснилось, что армия уходит на Кубань, полуторатисячный отряд Донских казаков генерала Попова отказался присоединиться к Добровольцам. Вспоминая тот день, Антон Иванович писал: «Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие Родины раздваивалось на составные элементы – один более близкий и осязаемый, другой отдаленный, умоглядный».

Корнилов отдал приказ двигаться как можно быстрее в направлении столицы Кубани – Екатеринодара. Добровольцев, двигавшихся по бескрайней степи, более всего занимал вопрос – как встретят? Слухи были разными, одни с оптимизмом говорили, что непременно хлебом-солью, другие с раздражением противились таким фантазиям и возражали: пулями, пулями нас встретят, если не шрапнелью.

В боях со встречавшимися заслонами красных сказывалось явное преимущество Добровольческой Армии в четком и умелом командовании. Не было лишней пальбы, выдерживалась дистанция – все как на учениях. Артиллерия стреляла точнее, в каждом выстреле чувствовалась рука профессионального офицера-артиллериста. Напротив, снаряды большевистских орудий ложились далеко от цели. Русский офицер умел «показать штык» лучше своих солдат, оказавшихся по другую сторону фронта.

У многих Добровольцев, покинувших Ростов и Новочеркасск, остались в этих городах родные и близкие. В пути до Армии доходили рассказы о зверствах, которые учинили большевики, занявшие города. «Город (Ростов. – Ю. Т.)

наполнился стонами и плачем отцов, матерей, жен, братьев, сестер по убитым, изнасилованным и замученным на их же глазах родственникам, – писал агент контрразведки, гвардейский подпоручик Н. Ф. Сигида, оставшийся на Дону. – Убивали всех, кто так или иначе подвертывался под руку. Особенно кошмарные сцены происходили в первые дни, когда власть как таковая находилась в руках любого вооруженного, взявшего себе право казнить и милловать по своему усмотрению». Неудивительно поэтому, что взятых в плен красногвардейцев расстреливали. Среди пленных были и бывшие офицеры...

«Вот она, новая трагедия русского офицерства! – писал генерал Деникин. – Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы... Только близость штаба спасает их от расправы.»

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

– Предать полевому суду.

Оправдания обычны: не знал о существовании Добровольческой армии... не вел стрельбы... заставили служить насильно, не выпускали... держали под надзором семью...

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии».

В кубанских станицах Армию встретили приветливо, радушно, находились и желающие пополнить ее ряды. Но 1 марта у Березанской Добровольцев неожиданно встретили огнем красные кубанцы: на станичном сходе верх одержали иногородние и большевизированные «фронтвики». Бой длился недолго. Развернувшиеся цепи Корниловского и Офицерского полков быстро рассеяли красных. Вечером того же дня казаки-старики учинили расправу над своей молодежью – высекли нагайками.

И снова в путь... Тяжелый бой разыгрался под Выселками. Здесь же узнали неприятную новость, что совсем недавно возле Выселок Кубанские добровольцы генерала В. Л. Покровского потерпели поражение от большевицкого отряда, после чего отступили в сторону Екатеринодара. Поползли зловещие слухи. Но зажатой со всех сторон Добровольческой Армии деваться было некуда, и Корнилов приказал наступать далее...

В новых боях, по свидетельству Антона Ивановича, «кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно – управление, стойкость и даже некоторый подъем...»

«Среди офицеров разговор:

– Ну и дерутся же сегодня большевики!..

– Ничего удивительного – ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...»

Ненависть шла об руку с гордостью за «своих»... русских.

Стало известно, что Екатеринодар занят красными. Генерал Деникин предлагал продолжить выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, «тем более что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собой политическое его падение». Деникина поддержал генерал Романовский. Однако войска были крайне утомлены и физически, и мо-

рально. Корнилов решил свернуть к югу, чтобы дать уставшим полкам отдых в закубанских аулах, а затем, отдохнув, продолжать движение на Екатеринодар в расчете на соединение с войсками Кубанского Правительства.

Покинувший Екатеринодар «Кубанский правительственный отряд» также бродил по черкесским аулам и казачьим станицам к югу от города, питаюсь слухами о приближении Корнилова, пока не получил первые достоверные сведения о передвижениях Добровольческой Армии. Соединение Белых войск произошло в ауле Шенджий.

В ночь на 15 марта погода резко изменилась. Подул сильный, колючий ветер, пошел мокрый снег. Армия шла по колено в грязи, перемешанной со снегом. Таявший снег пропитывал шинели насквозь, сапоги разбухли от воды. От мороза люди покрывались ледяной коркой. Армия шла вся белая, сжавшаяся от холода. Дороги размыло, повозки вязли и застревали. Еще сильнее повалил снег, застилая глаза, нос, уши, перехватывая дыхание. Об условиях ночлега Деникин вспоминал:

«Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломались в окна, в двери новые толпы.

– Дайте погреться другим, совести у вас нету»...

В тот же день Антона Ивановича окончательно свалил бронхит, поднялась температура. Он слег, хотя и приказал держать его в курсе происходящих событий.

В станице Ново-Дмитриевской, после форсирования реки смертельно замерзшими, обледеневшими людьми (откуда и пошло название «Ледяной поход»), 17 марта Корнилов переформировал Армию с учетом влившихся в нее Кубанских частей. А 28-го Добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара. Развернулись ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери, но у белых они были невосполнимыми.

«Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слышал, – говорит раненый полковник. – Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите... Залпами... – Артиллерия ухала тяжелыми, страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало», – вспоминал офицер Добровольческой Армии Р. Б. Гуль, находившийся во время штурма Екатеринодара в обозе среди раненых.

На военном совете 30 марта большинство генералов высказались за отход от Екатеринодара. На это были все основания. Армия понесла тяжелые потери, в особенности в командном составе. Боеприпасы уже давно добывались лишь в бою, части были перемешаны и утомлены непрерывным четырехдневным боем. Число раненых перевалило за полторы тысячи.

На совещании лишь Корнилов решительно высказался за очередной штурм. «Мы чувствовали, – писал Деникин, – что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся...» Но Корнилов был непреклонен и, завершая совет, сказал: «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля». После совещания все разошлись сумрачными, остались только Корнилов и Деникин.

«– Лавр Георгиевич, почему Вы так непреклонны в этом вопросе?

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого Вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете...»

Последняя фраза Корнилова оказалась пророческой.

Утром 31 марта разрывом большевицкого снаряда Лавр Георгиевич был убит. По распоряжению Алексеева в командование Добровольческой Армией вступил генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Армия по-разному восприняла это назначение. В Офицерском полку хотели видеть Командующим своего командира – генерала Маркова. Юнкера и Партизаны выражали удивление – почему не сам Алексеев...

Это не означало, что Деникину не верили. Его хорошо знала армия. О нем рассказывали, вспоминая Мировую войну, чудеса... Никто в Добровольческой Армии не имел столько Георгиевских наград. И все же, должно быть, в Антоне Ивановиче не видели вождя в совсем другой войне – войне междоусобной. Суровый взгляд, ровный, спокойный характер, щепетильная рассудительность и даже голос – строгий, резкий, – все это производило на Добровольцев мало впечатления. Зная эти настроения, генерал Марков собрал вокруг себя своих подчиненных и твердо сказал:

«Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!»

В тот же день новый Командующий решил снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести войска из-под ударов большевиков. «План предстоящего похода, – писал потом Деникин, – заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог».

Во многом нового Командующего и его Армию спасли безалаберность и партизанщина, царившие у красных, но еще больше – политика, которую большевики начали проводить на Кубани. Начинался сев, а кто будет хозяином на хлебородных кубанских пашнях – оказалось вопросом непростым. Иногородние требовали выделить себе долю из казачьих земель. Казаки негодовали. Ведь земля была ими полита и слезами, и потом, и кровью. Они защищали эту землю от набегов воинственных соседей, с боями отвоевывали пядь за пядью почти полтора года, обжились... Так с какой же стати делить богатство с голью перекаточной?! И поскакали кубанские сотни под знамена Деникина.

А в Малороссии и Донбассе заворачивалось еще круче. Туда вторглись немцы, тесня советские части. В Донской Области тоже восстали казаки, и в Новочеркасске Круг Спасения Дона избрал Атаманом генерала П. Н. Краснова...

В этих-то условиях Антон Иванович оказался во главе Добровольческой Армии, что и выдвинуло его в число ведущих фигур всего Белого движения.

* * *

Чтобы вывести и спасти Армию, генерал Деникин решился на суровые меры: сократил до минимума обоз, поместив по шесть человек на телегу, лишние повозки приказал уничтожить, ненужный груз ликвидировать. От артиллерии оставили четыре орудия, остальные бросили, приведя в полную негод-

*На переднем плане А.И. Деникин, А.С. Лукомский, А.М. Драгомиров,
И.П. Романовский (частично скрыт дверцей ворот),
позади них французский капитан Фуке и полковник
А.Г. Шапрон дю-Лорре, 1919 год*

ность. Тяжелее всего было отдать приказ об оставлении на попечение местных жителей тяжелораненых, которые не могли выдержать трудных переходов. Понимая, что только быстрыми переходами можно замести следы и выйти из окружения, Деникин приказал в сутки делать до 60 верст. На пути с Кубани обратно на Дон было лишь несколько боев на железнодорожных станциях, где всякий раз удавалось захватить военную добычу, так необходимую Армии.

Взяты станицы Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая. Все Задонье освобождено от большевиков. Военная фортуна вновь была на стороне Добро-

вольцев. В этих условиях Антон Иванович как Командующий Армией составил свое первое политическое обращение к народу России, но оно вызвало споры среди офицеров. Вкусившее все прелести революционной демократии в 1917 году, большинство из них связывали будущее своей страны лишь с монархией. Монархистами становились даже те, кто исповедовал республиканские идеи. Что же побуждало нового Командующего, который сам был сторонником конституционной монархии, держать знамя монархизма в походном чехле?

Антон Иванович, как профессиональный военный, прекрасно понимал, что основная борьба еще впереди, что армию как таковую еще предстоит создавать, ибо с пятитысячным войском, даже очень сильным духом, можно проделать поход по тылам большевиков, но нельзя установить власть во всей России. Новая же армия неминуемо будет состоять из различных политических элементов, и проповедывать в ней лишь одну политическую идею – значило бы внести в ряды войск раздор, закрыть двери перед теми, кто желал бы сражаться с большевизмом, но не в рядах монархистов.

Генерал Деникин, приняв командование Армией, осознавал также, что в условиях гражданской войны его роль не ограничится лишь функциями военными. Придется решать и массу других задач: политических, хозяйственных, национальных. Круг этих задач будет только возрастать по мере того, как будет расширяться территория, занятая его войсками. Прекрасно понимал он и все трудности анти-большевицкой борьбы, начатой на окраине России, вдали от ее центров. В руках большевиков оказались подавляющее число военных складов, заводов, фабрик. Они контролировали все запасы военного снаряжения, боеприпасов, продовольствия, созданные в ходе мировой войны. В этих условиях рассчитывать лишь на свои силы было невозможно. Нельзя было снабжать армию лишь трофеями, захваченными в боях. Отсутствие вооружения, боеприпасов, одежды, обуви, продовольствия не позволило бы расширить армию. Нужен был тыл. Помощь же, так необходимую для разворачивания армии, можно было получить только извне: либо от Германии, вторгшейся в пределы России, либо от стран Антанты, бывших союзниками в войне с той же Германией.

Учитывая все эти факторы, генерал Деникин избрал политику непредрешенчества в вопросе будущей формы правления в России и выступил за союз с государствами Согласия, продолжая считать Германию противником России. Новый Командующий считал необходимым дисциплинированное, твердое и неполитизированное руководство. Он отправился в Крестовый поход против большевизма с той же наивной честностью, что и его предшественник Корнилов, поставив себе единственную задачу военной победы, установив, что ни он и никто из политиков не предопределят будущего устройства освобожденной России. До тех же пор власть должна принадлежать временной военной диктатуре, и даже обсуждение реформ должно быть отложено, чтобы уменьшить антагонизм внутри антибольшевицкого лагеря.

«Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать, – говорил Деникин на собрании офицеров в Егорлыцкой. – Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедлен-

ного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междуусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее вехома, без вехома русского народа?

Хорошо – монархический флаг. Но за этим последует, естественно, требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца – греческого принца. Что же, этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны – в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».

«Непредрешенчество», взятое за основу политики Белого движения, было, наверное, донкихотством. Деникин, как и его ближайшее окружение, искренне верил, что народ оценит их честность и жертвенность, воздаст им должное в их борьбе за право народа решать политическое будущее страны. Непредрешенчество в форме правления влекло за собой и непредрешенчество в реформах, в том числе самой насущной – аграрной.

Антон Иванович Деникин – Царский генерал, в то же время был ярким представителем русской интеллигенции, органически не способным на демагогические обещания сделать то, что в настоящее время сделать было невозможно. Он прекрасно понимал, что в условиях разгоревшейся гражданской войны невозможно было решить вопрос с землей одним декретом. Напротив, большевицкое правительство, также не верившее в скорое решение аграрного вопроса, тем не менее избрало тактику пустых обещаний. Не мог придти в голову Белым генералам и такой лозунг, как «Грабь награбленное», выдвинутый большевиками, чтобы удержаться у власти. А огромное крестьянское население России предпочло сладкую ложь – горькой правде вождей Белых армий...

Исповедуя непредрешенчество, Деникину и его соратникам оставалось надеяться лишь на военную победу. Тогда, в 1918 году, для этого были основания. Красная Армия, хотя и многочисленная, воевать не умела. В ней царила партизанщина, отсутствовала дисциплина, чрезвычайно слаб был командный состав. В Добровольческой Армии, наоборот, основу составляли жесткая дисциплина, единоначалие, сильные офицерские кадры, имевшие опыт командования в мировой войне.

С освобождением Новочеркасска от большевиков туда переехала из Ростова и жена Антона Ивановича. Вскоре супруги встретились и решили больше не разлучаться ни при каких обстоятельствах. Ксения Васильевна, рассказывая о своей жизни в Ростове при большевиках, поведала уже известные Антону Ивановичу факты красного террора, но видя, как болезненно реагирует на эти рассказы муж, переменяла тему.

События, развернувшиеся на Дону, и радовали, и настораживали. Казаки одумались, подняв восстание против Советов и избрав Атаманом генерала Краснова. Однако Краснов, исповедывавший идеи монархии и вернувшийся на Дон дореволюционные законы, в то же время проводил идею автономии края и заигрывал с немцами.

Антон Иванович добился встречи с Атаманом, которая состоялась 15 мая в станице Маньчской. С первых минут совещания выявились противоречия. Генерал Краснов настаивал, чтобы Добровольческая Армия, оставив Кубань, двигалась на северо-восток в направлении к Царицыну. Деникин отстаивал план движения на юг, считая главной задачей освобождения Задонья и Кубани, что обеспечивало возможность контролировать всю южную границу Донской Области и открывало пути к Черному морю: в случае победы союзников по Антанте это давало возможность установить с ними связь через Новороссийск. К тому же, двигаясь на север, Добровольческая Армия оставляла бы в своем тылу советские войска, насчитывавшие более 50 тысяч штыков и сабель.

Напомнил новому Атаману Деникин и о шести миллионах рублей, которые причитались Добровольцам еще по соглашению с генералом Калединым. Краснов на это заявил: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». Потеряв терпение, Антон Иванович возразил резко: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы»... Создать единый с Донцами фронт тогда не удалось. В новый поход Добровольческая Армия выступила в одиночестве.

Накануне нового похода Деникин переформировал Армию. В ее состав стали входить: 1-я (генерал С. Л. Марков; в самом начале Второго Кубанского похода он погиб в бою и на его место стал генерал Б. И. Казанович), 2-я (генерал А. А. Боровский) и 3-я (полковник М. Г. Дроздовский) дивизии, 1-я конная дивизия (генерал И. Г. Эрдели), 1-я Кубанская казачья бригада и Пластунский батальон, – всего около 9 тысяч штыков и сабель, 3 броневедомоцикла и 24 орудия. «Нас было мало, – вспоминал Антон Иванович. – Но за нами военное искусство... В армии – порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в силе и надежда на будущее».

Целью новой кампании генерал Деникин ставил захват Екатеринодара. Ему принадлежит и разработка оперативного плана: 1. Обеспечить тыл со стороны Царицына и, следовательно, прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Это достигалось путем захвата узловой станции Торговой, а к северо-востоку от нее – станицы Великокняжеской. Передав затем царицынское направление Донцам, Деникин предполагал перейти к следующей задаче. 2. Круто сворачивая на юго-запад, двинуть Добровольческую Армию вдоль железнодорожных линий Царицын – Екатеринодар, Ростов – Владикавказ. 3. По овладении станцией Тихорецкой Армия должна была обеспечить свои фланги для удара на Екатеринодар, правым флангом опираясь на станцию Куцевка, а левым – на станцию Кавказская. 4. Фронтальный удар на Екатеринодар.

Первые удары Добровольцев обрушились на 30-тысячную группу советских войск И. Л. Сорокина, сбив и отбросив ее. Екатеринодар, в котором находились главные органы управления Северного Кавказа, оказался открытым для удара со стороны Тихорецкой. В спешке советское руководство начало стягивать подкрепления к Екатеринодару с Тамани.

После взятия Тихорецкой белое наступление продолжало развиваться. Главные силы направлялись на правый фланг с целью захватить станцию Кущевка и разбить там Сорокина. На левый фланг, в направлении станции Кавказской, была двинута дивизия генерала Боровского. В направлении на Екатеринодар вел свою дивизию Дроздовский.

До Екатеринодара оставалось чуть более 18 верст. Однако в это время к красным стали подходить подкрепления, состоявшие из более стойких и еще не деморализованных частей. Эти части, силою в 7 тысяч штыков и 1600 сабель при 7 орудиях, не только задержали Добровольцев, но и начали теснить их к северу. Одновременно оправившиеся части Сорокина перешли в контр-наступление. Для Добровольческой Армии создавалось тяжелое положение. Затянулись ожесточенные бои, длившиеся десять дней. Белые, несмотря на то что значительно уступали в численности, показали удивительную стойкость, выдержали первые удары большевиков, после чего сами перешли в атаку. Красные дрогнули, не выдержали хладнокровных атак Добровольцев и покатались назад. 3 августа Добровольческая Армия вступила в Екатеринодар.

Взятие Екатеринодара, впрочем, не разрешало общей стратегической задачи. Антон Иванович это прекрасно понимал. Часть Кубани по-прежнему была под властью большевиков. Для того, чтобы закрепиться на Северном Кавказе, необходимо было выйти на надежные естественные рубежи: Черное и Каспийское моря и Кавказский хребет. Черное море открывало возможность связи с союзниками, Каспийское – давало надежду наладить сообщение с Белым движением в Поволжье и Сибири.

Однако для решения новых стратегических задач сил было явно недостаточно. Проведенная мобилизация, поступление новых добровольцев и включение в состав Армии пленных красноармейцев позволили создать ряд новых частей и соединений. К сентябрю численность Добровольческой Армии возросла до 35–40 тысяч (по разным оценкам) штыков и сабель при 86 орудиях, 8 бронепоездах, 5 бронепоездах и 6 самолетах. Изменились и масштабы и характер деятельности ее Командующего. «...В течение пяти месяцев я имел возможность вести армию лично, непосредственно, имея с ней полное и постоянное общение. Теперь открывалась более широкая стратегическая работа начальника, и вместе с тем суживалась сфера непосредственного моего влияния на войска. Раньше я вел армию, теперь я командовал ею», – писал Деникин.

К середине сентября удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской Области и Ставрополь, занять Новороссийск и утвердиться на побережье Черного моря. Но у красных оставались крупные силы, сведенные в пять колонн, кавалерийский корпус и особую ставропольскую группу, общей численностью до 150 тысяч штыков и сабель при 200 орудиях разного калибра.

Советский Главнокомандующий Сорокин считал необходимым овладеть Ставрополем и его районом и тем самым закрепиться в восточной части Северного Кавказа. Ожесточенные и кровопролитные бои под Ставрополем завершились поражением большевиков: в результате осенней кампании 1918 года их главные силы были прижаты к пустынной степи, которой суждено было стать могилой многих тысяч их бойцов. Кубанская Область была окончательно освобождена от большевиков, началось освобождение Терека.

Во время Второго Кубанского похода Антон Иванович чутьем талантливо-го военачальника понял значение сильных кавалерийских групп в условиях гражданской войны, где первостепенное значение приобретал маневр и подвижность войск. Поставив целью создать мощную конницу, генерал Деникин искал человека, которому можно было бы доверить это дело. Задача была сложной, если учесть, что в период мировой войны значение конницы резко упало. К осени 1918 года в Добровольческой Армии из видных кавалерийских начальников был, пожалуй, лишь генерал барон П. Н. Врангель, впервые встретившийся с Деникиным – Командующим Армией – в Екатеринода-ре и получивший назначение командующим 1-й конной дивизией, а затем конным корпусом.

Пройдет немного времени, и генерал Врангель станет к Деникину в откры-тую оппозицию и будет иметь в этой борьбе свои преимущества. На этой вой-не фигура Главнокомандующего³⁴ была слишком заметной. Часто первосте-пенное значение имели не титаническая работа полководца или организатора освобожденной от большевиков Земли Русской, а популярность в войсках, где подчас играла роль даже внешность человека.

Врангель как никто умел подчеркнуть свои незаурядные качества военачальника, быть всегда на виду, в то время как генералы Деникин и Романовский с увеличением численности армии начинали терять популярность. Ко-лоссальная загруженность работой не позволяла Антону Ивановичу часто по-казываться на фронте, в войсках. Любые ошибки, неудачи связывались прежде всего с его именем и именем его бессменного начальника Штаба Рома-новского. Мешали обоим и их излишняя скромность, – так, последний Про-топресвитер Русской Армии отец Георгий Шавельский вспоминал: «Сам Де-никин летом 1919 года (то есть значительно позже, в период наибольших ус-пехов Белой Армии. – Ю. Т.) ходил в теплой черкеске. Когда его спросили, по-чему он это делает, он ответил – штаны последние изорвались, а летняя руба-ха не может прикрыть их»...

Армия же укреплялась. С окончанием Первой мировой войны у бывших союзников России появилась возможность поддержать белых, и, хотя Антан-та очень быстро забыла, кому она была обязана своей победой, ее память от-носительно денежных долгов России оказалась цепкой. Опасения потерять свои вложения заставили Англию и Францию сделать ставку на Белое движе-ние. Впрочем, часто помощь их оказывалась скорее символической...

В то же время обстановка продолжала оставаться серьезной. Объединение в составе Вооруженных Сил Юга России Добровольческой Армии, Кубанцев и Терцев с Донскими казачьими частями хотя и увеличило силы, все же не поз-воляло вести боевые операции с неизменным напряжением. За ударом на од-ном участке фронта следовал перерыв, вызываемый необходимостью произ-вести перегруппировку для нового удара. Талант военачальника Деникина в том и заключался, что, имея незначительные силы, он умело концентрировал их в нужном месте, создавая кулак и нанося Красной Армии сокрушительные удары. Так произошло в январе – феврале 1919 года, когда были поодиночке разбиты большевицкие группировки на Северном Кавказе. К середине февра-ля главные силы красного Кавказско-Каспийского фронта перестали сущест-вовать как организованное целое. Троцкий признавал, что «разбухшая ар-мия, скорее орда, чем армия, столкнулась с правильно организованными де-никинскими войсками и в течение нескольких недель рассыпалась в прах».

*А.И. Деникин беседует с генералом А.П. Богаевским,
Ростов-на-Дону, 1919 год*

Одним из первых Троцкий понял и значение преимуществ белых, создавших сильные конные соединения, действия которых во многом позволили весной 1919 года вырвать инициативу из рук советского командования. В начале марта северный фронт Деникина растянулся более чем на 800 верст. Против 45 тысяч белогвардейцев большевики сосредоточили пять армий общей численностью 140–150 тысяч штыков и сабель. Тройной перевес сил создавал чрезвычайно серьезное положение, и спасла деникинскую армию сильная кавалерия, способствовавшая выполнению быстрых маневров.

Кубанская конница Шкуро совершила рейд в тыл противника и обусловила крушение его фронта в Донецком бассейне. В конце апреля под личным руководством Антона Ивановича была проведена сложная операция на Маныче, где X-я армия красных угрожала тылу и военным сообщениям Добровольцев. Конные части генерала С. Г. Улагая разбили советскую Степную группу и конницу Б. М. Думенко, а генерал Врангель во главе казачьих соединений нанес решительное поражение большевикам в районе станицы Великокняжеской. Все эти успехи базировались на наличии и маневре крупных конных соединений.

В мае 1919 года для Вооруженных Сил Юга России создались условия для перехода в решительное наступление. На очереди были задачи: 1) окончательного вытеснения красных из Донецкого бассейна; 2) освобождения территории Донской Области, оказания помощи повстанцам Верхне-Донских станиц и соединения с ними; 3) овладения Царицыном для обеспечения правого фланга, а в перспективе – установления связи с войсками Верховного Правительства адмирала Колчака. Во второй половине июня эти задачи были выполне-

*Деникин с дочерью
Мариной перед входом
в дом, где они жили
в Севре (Франция),
1933 год*

ны. Учитывая политическую и стратегическую обстановку, Деникин вынес на обсуждение военного совета два варианта плана военных действий:

1) Перейдя к обороне у Царицына, взять из состава Кавказской Армии три-четыре конные дивизии и перебросить их на харьковский участок фронта, чтобы силами последнего ударить по кратчайшему направлению на Москву.

2) Напротив, обороняясь на харьковско-московском направлении, развивать операции от Царицына на Саратов с целью занятия этого важного пункта и затем с юго-востока перейти в наступление на Москву.

Неожиданно свой план действий предложил командующий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, ратовавший за то, чтобы пока отложить наступление до окончательного закрепления тыла, жертвуя при этом даже Харьковом. Барон Врангель высказался за второй вариант наступления. Но в конечном счете был принят первый вариант, сторонником которого был сам Главнокомандующий. 20 июня 1919 года генерал Деникин отдал приказ о походе на Москву.

Менее чем за четыре месяца были освобождены громадные пространства Малороссии и Новороссии, заняты Одесса, Киев, Курск, Орел. Добровольческая Армия, имея главной ударной силой корпус генерала А. П. Кутепова, рвалась на Москву. Но командование Красной Армии, перегруппировав на этом направлении силы и сформировав крупные конные соединения, подготовило мощный контрудар. После поражения в начале ноября под Орлом и Кромами отступление Вооруженных Сил Юга России развивалось гораздо быстрее, чем их летнее продвижение к своей заветной цели – Москве.

Главнокомандующий делал самые отчаянные попытки остановить большевиков сначала на рубеже Дона, а затем – Кубани, но все его усилия оказались напрасными. К началу 1920 года Красная Армия была в Ростове и Новочеркасске, а уже в середине марта разразилась «новороссийская катастрофа»...

*А.И. Деникин (справа) и полковник П.В. Колтышев, Париж,
декабрь 1934 год*

*А.И. Деникин (в центре) после передачи части своих архивов, Прага,
22 декабря 1934 год*

Фото Деникина на паспорт, сделанное перед отъездом в США, ноябрь 1945 год

Трагические сцены, разыгравшиеся во время эвакуации Новороссийска, откуда остатки войск перевозились на Крымский полуостров, еще удерживаемый генералом Я. А. Слащовым, потрясли Деникина. «Много звериного чувства, — вспоминал Антон Иванович, — вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом». Одним из последних

Деникин вместе с начальником Штаба Романовским взобрался на борт миноносца «Капитан Сакен», взявшего курс на Севастополь. В Крыму, куда удалось переправить около 40 тысяч бойцов, Главнокомандующий отчетливо понял, что Армия ему больше не верит. Боевой генерал, прекрасно знавший психологию солдата, он ясно осознавал, что значит для войск популярность военачальника.

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее...» — писал Антон Иванович генералу А. М. Драгомирову, назначенному им председателем Военного Совета для избрания преемника на посту Главнокомандующего. Вечером 22 марта 1920 года Деникин на борту английского миноносца навсегда покидал Россию. Корабль держал курс на Константинополь, где в русском посольстве Антона Ивановича ждала его семья — жена Ксения и родившаяся в 1919 году дочь Марина.

Первоначальным местом эмиграции стала Англия, но ненадолго. Уже в августе 1920 года семья Деникиных переехала в Брюссель, а еще через год — в Венгрию. Началась работа над мемуарами, которые, по собственному признанию их автора, стали «самым важным делом эмигрантского житья». Шесть лет длилась работа над пятью томами «Очерков Русской Смуты», в которых Деникину удалось создать широкое полотно истории революции и Гражданской войны, а самое главное — показать место в них Русской Армии. В 1928 го-

ду Антон Иванович издал книгу «Офицеры» – сборник рассказов о судьбах подвижников и мучеников Смуты и войны – и приступил к написанию книги «Старая армия». На страницах парижских газет «Последние Новости» и «Возрождение» появлялись его статьи, в виде брошюр стали выходить лекции, прочитанные перед эмигрантской аудиторией в Чехословакии и Югославии.

В Париже, куда Деникины переехали весной 1926 года, генерал сразу же оказался в центре эмигрантских политических противоборств. С нарастающей обеспокоенностью следил бывший Главнокомандующий и за развитием событий в Германии, где к власти на волне реваншизма пришел Гитлер.

«Неужели мне придется пережить четвертую войну?» – задавал себе вопрос Антон Иванович. Он, кстати, был одним из немногих, кто достаточно ясно осознавал всю опасность национал-социализма для Европы и России. Уже в 1935 году в лекции «Международные события и русская проблема» бывший генерал предположил, что в грядущей войне снова главным будет Восточный фронт. В одном из своих публичных выступлений Деникин заявил: «Красная армия в какой-то степени является русской национальной силой, и всякое сношение с иностранцами на предмет борьбы против большевиков – есть измена Родине». Многие эмигранты после такого заявления отвернулись от Антона Ивановича, так до конца и не поняв, что имел в виду генерал.

«Четвертая война» действительно разразилась. С оккупацией Парижа немецкими войсками Деникины переехали на юг Франции в местечко Мимизан близ Бордо. Здесь семидесятилетнему Деникину оккупанты предложили переехать в Берлин, чтобы там продолжить начатую им работу над автобиографической книгой «Моя жизнь». Антон Иванович отказался. Он тяжело переживал поражения Красной Армии и радовался известиям о ее победах. Но когда после Сталинградской битвы у многих эмигрантов возникла мысль, что Россия возвращается к политической структуре, существовавшей до 1917 года, а Красная Армия надела погоны, – Деникин выступил с разоблачениями подобных настроений, указывая на то, что «положение внутри страны не изменилось и что до тех пор, пока важнейшие свободы не будут восстановлены, до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранять верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был». Деникин не изменял своим принципам...

С окончанием войны Антон Иванович вместе с женой возвратился в Париж, но через полгода, опасаясь депортации в Советский Союз, вынужден был переехать в США. В Америке он заключил договор с издательством «Э. Даттон» о публикации книги «Моя жизнь» и новой работы – «Вторая мировая война, Россия и эмиграция». Но силы покидали старого генерала, усиливались сердечные приступы. Лето 1947 года Деникины решили провести у друзей-эмигрантов, живших на берегу озера Мичиган, неподалеку от границы с Канадой. Там после очередного сердечного приступа Антона Ивановича уговорили лечь в университетскую клинику города Энн-Арбор, где 7 августа 1947 года он скончался.

«Вот не увижу, как Россия спасется!» – это были последние слова генерала Деникина.

Между рождением в Польше и смертью в Америке прошло три четверти века. Была борьба, были Россия, русский народ и Русская Армия – понятия, которые всегда оставались для него святыми.